

ОН – СЛУЧАЙНЫЙ в моем доме... Он —
 связать двух слов не может...
 Он — одет не по погоде... То молчит, а то —
 мычит...
 что контрактником собрался — умереть
 в каком-то взводе
 за Россию, за «не знаю», за бесплатные харчи...
 за надежду — жить на свете: «А куда еще
 деваться?» —
 и за боль: «Что, девку эту позабыть
 или убить?..»
 И дрожат большие руки с заусенцами
 на пальцах...
 И он просит как страдалец: «Можно мне себе
 налить?».
 — «Наливай». И отвращенье — первый шок
 при виде «мачо» —
 вдруг во мне сменилось дикой, дикой жалостью
 немой.
 Я не знаю, как случилось, я сказала ему:
 «Мальчик!».
 И тридцатилетний мальчик разрыдался
 предо мной...
 Вся никчемность, вся бездомность,
 подноготная, какую
 мы скрываем, — обнажились в его бритой
 голове...
 И я плакала с ним вместе, я рыдала с ним —
 не скрою...
 Ни о чем. О ветре в поле. О кузнечиках
 в траве...

ЧТО ТЕБЕ сделать? Борща? Зажарить леща?
 Ты вот зачем приехал? Поешь — и прощай.
 Сколько ты будешь мерещиться мне в других
 мужиках?
 Ты прекращай мне это, ты прекращай...
 Мы же в разводе скоро три сотни лет.
 Помнишь ли повод? Ты сам захотел развод.
 Что же покою, окаянный, от тебя мне нет?
 С니шься раз в год мне... Снишься — зачем?
 Раз в год,
 Как по часам, — под Пасху. Мне завтра в храм
 С мужем и сыном... Приснишься — испорчен
 день.
 Вместо молитвы я думаю: как ты там,
 Как бы у нас сложилось и прочую дребедень.
 Не увлекай меня в наш параллельный мир,
 Где нерождённых — тьма, не построен дом,
 Нож не наточен, не сотворён кумир,
 Только скелет хохочет в шкафу пустом.

КОСТЮМ

Я ПОМНЮ МАМУ... Темно-синий
 Костюм и белый воротник —
 Как будто голубь над Россией
 Крылами острыми приник
 К тревожной сини ледяной...
 Я причитала: «Мама, ой!
 Сними костюм, надень другой —
 Юбочку до коленочек
 И блузочку из ленточек!

Ты в том наряде — юная,
Не строгая-угрюмая!».
Но отвечала мама: «Нет!
Придёшь из школы — съешь обед.
Я буду в семь, не ранее.
Сегодня партсобрание».

...Мне сорок лет. Я не расту.
Мне впору стал её костюм,
Иссиня-чёрный шерстяной,
На мне сошелся — как влитой.
И я надела... И лицо
В момент утратило беспечность.
И мой горящий взгляд свинцом
Бесстрастно устремился в вечность!
По радио запели гимн —
Я молча поднялась со стула
И враз — движением одним —
Все пуговицы — застегнула.

ШТОПАЛА КОЛГОТКИ. Вязала пинетки.
Разливала варенье гостям в розетки...
Хотела все изменить, закончив дела...
Достирала. Присела.
А жизнь — прошла!

ВРЕМЕЧКО проводить — безответственно,
бестолково:
Читать чужие стихи как своё откровенье,
Музыку Моцарта запивать самодельным
ликёром,
Нечаянной радости безотчётной достичь
апогея,
Выйти в сад — и берёзу обнять, наслаждаясь
ленью.
Накормить собаку — в величии простодушном
Её доброй хозяйки — ей сладко, а мне приятно,
Что она благодарна, ревнива ко мне, послушна...
С ней из дома уйти — и не прийти обратно.
Жизнь беспечно прожить и оставить в ней след,
а может —
Не оставить следа — в этом мудрости высшей
свет...
Лёгкой жизни просила — и даровал щедрый
Боже —
Не устану я быть. Так чудесно, что смерти нет!

МИР РУШИЛСЯ не раз, не два, а двадцать.
И гаснул свет, и не хватало слов.
Похоже, умирать и возрождаться —
Привычное занятие миров!
Все призрачно. Что будет, я не знаю.
Не хуже, чем бывало, а пока,
Причудливые формы обретая,
Плывут, плывут по небу облака.

Ремесло

ПОХОЖА запятая на весло,
вопрос кривой — на вешалку похожий.
Поэты не играют в ремесло!
Поэт в пылу себя повесить может
на знаке вопросительном! «К чему?
Кто виноват? Что делать?» Без ответа
не оставляйте бедного поэта!
В ответе — Он, непросто жить ему!
Причастный к мелочам, гребёт веслом,
бросает восклицание как камень!
И каждое тире — открытой раной,
и в каждом слове под его руками — судьбы излом.
Рождённый мерить меркой неземной,
то создаёт — то рвёт планеты в клочья!
И просветлённый — рано в мир иной
уходит, спотыкаясь многоточьем...

Частный дом

ДЕРЕВЯННЫЙ частный дом.
Облепиха под окном
и черёмухи кусты.
Юрких ящериц хвосты —
в россыпь, прячутся пугливо.
В старый сад заходишь... Ты.

...Ты берёшь большой топор,
крошишь мясо, рубишь ветки...
Раздуваешь ты костер,
и дымище в небо — едкий...

Я смотрю во все глаза,
я сама себе не верю!
...Приближается гроза.
Сквозняком открыло двери...

— Ты?
— Ну я. А кто ж ещё? —
улыбнулся удивлённо.

...Листья катятся со щёк
у всезнающего клёна...

Звездглазые коты
Хитро лапой умывались...
Я упорствую:
— Не ты!
Разве мы не расставались?!

Здесь размыта колея...
Как же ты ко мне проехал?
Утешаешь:
— Только я.
— Только он, — кивает эхо.

Камнепадами с души
наземь сыпалась усталость...
Стала легкой — хоть пляши!
...Лучше б я не просыпалась!

ДЕНЬ ЗА ДНЁМ, неделя за неделей —
Суета и мыслей чехарда...
Хоть бы сутки — ничего не делать,
Не спешить отсюда и туда,
Привести в порядок свои мысли,
Выстроить какой-то важный план
И идти степенно с ним по жизни,
Зная вес и цену всем делам!
И, латая в знаниях пробелы,
Дочитать Бодлера, например...
Чтоб блеснуть цитатой между делом:
«Так сказал однажды Шарль Бодлер...».
Может быть, осилить даже Канта?! —
В лабиринтах разума петлять,
Чтоб, пройдя по тонкому канату,
Ловко подсознанием управлять?!
Громадьё желаний!.. Только сутки
Вновь прошли. Усталость и мигрень.
Беготня, работа и покупки...
Так пройдёт и следующий день.

ВСЁ ХОРОШО. И смерть не так близка,
Душа полна любовью, но... на донце —
Откуда эта русская тоска?
Откуда, чёрт возьми, она берётся?!

Днём спрячется за делом как пустяк,
А ночью — заскулит невыносимо:

Как будто и живу-то я не так,
И главное — пускаю мимо, мимо...

...Безрезультатна, как по мёртвым плач,
Не даст ни облегченья, ни совета,
Как надо жить — не выдаст мне секрета,
Сентиментальный плачущий палач...

Но знаю — до последнего листка
Судьбы моей, то горькой, то беспечной,
Со мной пребудет странная тоска
О чём-то неопознанном и вечном.

И ТОЛЬКО ТОТ, кто понимал без слов
И укрывал собой от злого ветра,
Достоин быть героем сладких снов
В том городе, где дождь играет ретро...

Теперь и завтра — словно дежавю...
Прохожий — тот же — потерял свой зонт.
И как молитву шепчешь: «Доживу»,
Свой день сурка изведав наперёд...

Теперь и завтра — будет как всегда.
Отсаксофонит ветер, взглянет солнце...
И только тот, кто нужен как вода,
В один из дней уйдёт и не вернётся.

..СМОТРИ, как зеркало становится окном
В ту неизвестность, где сплетенья тени,
Полёт души и строгий окоём
Реальности. Два мира параллельны.

Никто тебе не скажет, почему
Ты одинок в мире себе подобных.
Не спрашивай об истине голодных.
Запрись в своём бесхитроном доме

И ощути блаженство пустоты,
Незримо наполняющейся смыслом,
Когда с холодной вечностью на «ты»,
Вдруг понимаешь — без особых выслуг.

Любим — уже за то, что в мир проник,
Капризы тела исполнял умело,
Любим за то, что примеряешь лик
По образу, рисованному мелом.

Ещё за то, что старые часы
И сердце — остановятся когда-то.
И пошатнут Небесные Весы
Две даты. Неподвластные две даты.

НЕ ЗНАЮ, на какой оси
Вращают мир, учтивый к даме?
Не верь. Не бойся. Не проси —
Моя стезя в семейной драме.

Вражды глухое торжество —
Наручниками — на запястья.
Глотаю кровное родство,
Как кровь железную с распястья.

О, мне не впрок урок мессий!
(Непротивление насилью.)
Дождливит осень в ритме кантри
И вторит уголовной мантре:
Не верь. Не бойся. Не проси.

Услышу ль, что меня любили?
Вослед мечту перекрести...
Быть может, на моей могиле:
«Сестра, мы не поговорили.
Я верю. Я боюсь. Прости».

Я НЕ ОДНА, кому в наследство — дом
Разрушенный, чертополох с крапивой
Да сладкий дым — в отечестве своём,
Окутавший мечты и перспективы.
Мы — коренные жители страны,
Мы дышим — от войны и до войны,
Страхнём с колен — и снова на колени.
Мы притерпелись в пятом поколении.

ЗА КАЛИТКОЙ — пшеничное поле,
В пять утра розовеет восток.
Колокольчик растёт — это Коля,
Ну а Вася — синь-синь василёк!

Каждый колос по имени знаю,
Потому что в были времена,
Когда ангелом светлым была я,
Я сама им дала имена!

Я любила легко, безмятежно
Коль и Вась — полевые цветы,
И была с синевою безбрежной
И пшеничным рассветом на «ты»!

ВЕТКУ СКЛОНИ и снежинку тронь,
Хрупкую, как звезда...
Долго смотри, как горит огонь
И как течёт вода...
Ты словно в лифте застрял и спишь
Между двух этажей...
И наполняется смыслом жизнь,
И не спешит уже...
Не распыляйся и не ищи
Истину в суете.
Если друзья в час беды ушли —
Значит, они — не те...
Крестится бабка и спит малыш,
Дремлет уставший конь.
И как вода утекает жизнь,
И догорит огонь.

РЕКА РАСПУСТИЛА песчаные косы,
Утёрла мне слёзы своим рукавом.
Глядит зоркий коршун с немого утёса,
Как я возвратилась сюда, где мой дом,

Родные могилы — мощнейшие корни,
Живые побеги и солнечный свет!
Как я убегала отсюда упорно
В пустой мегаполис по глупости лет...

...Река заплетала песчаные косы,
Кокетка! Гордячка с прозрачной водой!
Глядел-поглядел старый коршун с утёса
И — взмыл, глядя небо своей бородой!

И РАДУГА расцветки какаду...
И на душе — покой. Шумит река...
Я — в гамаке у бабушки в саду.
Вишнёвый сад... не вырублен пока.
Вишнёвый сад не вырублен ещё.
И — детство. Я беспечна и легка.
И Бога — очень сильное плечо.
И как само собой — Его рука.

МНЕ ДУМАЛОСЬ — всё ещё будет.

Очнулась... а всё уже было.

И вас, кого не ценила как лучших друзей (будут
лучше) —

В душе поимённо сжимаю, домой возвращаясь
по лужам...

Теперь посчитаю по пальцам и каждого — стану
искать...

Да вот не найду всех. Кто умер. Кто спился
безвестным страдальцем.

А мне всё казалось — что будет... иная потом
благодать.

КАК НЕИСТОВЫЙ поиск истины,
как бесценная сцена верности,
устремляются руки лиственниц
к небесам как молитвы девственниц.

Есть в деревьях такая жертвенность,
всепрощающий дух величия,
что своя ужасает ветреность
у подножья приюта птичьего.

Вот как в храме стою и жалуясь
ей, вскормленной земными соками.
Помолись за меня, пожалуйста,
вечно мудрая и высокая!

МИР многохрамен...
с бесстрастностью Будды,
с жертвенностью Христа...
взирает на зеркало прошлого,
отражая грядущее,
где шесть превращается в девять,
а зеро остаётся зеро...
яйцом становится лебедь,
а хлеб — зерном.

МОИ ДЕТИ — индиго,
они превзошли меня всяко:
светлой строгостью лика,
упорством, свободой внутри...
Они по пустякам

не умеют смеяться и плакать...
не поделятся мыслью,
а сделают — скажут: «Смотри!».
...И увижу я мир,
где табу мои больше не святы,
стал героем предатель,
повержен последний кумир...
и расцвёл старый пенёк,
и безногий летает — крылатый,
изменяется всё —
каждый день, каждый день, каждый день...

И одно за другим —
словно лампы на мощной гирлянде —
чудеса зажигают...

Мне странно о том вспоминать,
что я мать этим детям,
люголем им мазала гланды...

И любила на слишком
высоких качелях качать...

МНЕ ПРИСНИЛАСЬ базарная площадь.

Рядом был корабельный причал.

И в ряду зазывал шумных — тощий
Молчаливый торговец стоял.

Он мешки держал, горбились плечи.

Стало жаль его — что за чудак?!

— Что в мешке?

— Здесь любовь человечья.

— Сколько стоит?

— Возьми просто так.

Сердце — словно летело с откоса,

Словно чёрт на качелях качал!

— А в другом?

— Состраданье и слёзы.

— А цена?

Он в ответ промолчал.

И пошёл он к причалу косому,
где отчалили все корабли...

И мешок был один невесомым,

И другой — не поднять от земли.

ВСЮ ночь мы молча грелись. Брат холодно одет.

Здесь, может, похоронен и мой убитый дед.

Печаль неутолима: не видел он меня...

Я наглоталась дыма у Вечного огня.